

УДК 342:343.9

Тоталитарная государственность и экономическая преступность в Советской России: тайная история разработки Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г.

С.В. БОГДАНОВ,
кандидат исторических наук,
доцент Губкинского института (филиала)
Московского государственного открытого университета,

В.Н. ОРЛОВ,
кандидат исторических наук,
доцент Губкинского института (филиала)
Московского государственного открытого университета

В статье рассматривается тайная история принятия беспрецедентно сурового законодательного акта советской власти, направленного против расхищителей государственной и общественной собственности. На основании архивных источников анализируется эффективность государственной политики в борьбе с таким распространенным в 1930-х годах видом преступления в СССР, как хищение государственного имущества.

Ключевые слова: хищения, преступления против собственности, ОГПУ, продовольственный кризис, Сталин, Каганович.

*Totalitarian state and economic criminality in the Soviet Russia
Confidential production history of CEC (Central Executive Committee) and CPC (Council of People's Commissars of the
USSR) resolution dating from August, 7th, 1932
S.V. Bogdanov, V.N. Orlov*

In this article is considered secret history of the taking the unprecedented severe legislative act soviet authorities, directed against embezzlers state and public property. Efficiency state politicians analyses. On the grounds of archive sources authors on fight with such wide-spread in 1930s years type of the crime in USSR as misappropriation state property.

Keywords: misappropriations, crimes against property, OGPU, food crisis, Stalin, Kaganovich.

К концу 1920-х годов репрессивная машина Советского государства работала достаточно активно и масштабно. Однако это вовсе не означало, что вместе с несоциалистическими отношениями в экономике и социальной сферах автоматически исчезали спекуляция, различные способы мошенничества, фальшивомонетничество, хищения государственной и общественной собственности, контрабанда, присвоения и растраты должностными лицами вверенного им имущества в целях личного обогащения¹.

Недовольство жизненной неубустроенностью, продовольственными сложностями, дороговизной, пришедшими вместе с политикой форсированной индустриализации и сплошной коллективизации на смену новой экономической политике, было характерно для различных социальных слоев населения. Каждый из недовольных выражал его по-своему: от разговоров в очередях и анекдотов в рабочих раздевалках и курилках, доносов в правоохранитель-

ные органы до анонимных писем высшим руководителям.

Так, в письме участников съезда инженеров, проходившего в Москве 25 ноября — 1 декабря 1932 г., на имя В.М. Молотова едко отмечалось: «У нас “благополучие”: картошка, капуста, огурцы стали роскошью... Москва — столица “Социализма” — наводнена нищими. На железных дорогах, на каждой самой маленькой станции: толпы в лаптях, в рваных армяках, женщины, дети, семьи — едут — куда? Мечутся, бегут от социализма десятки миллионов здоровых и трудоспособных людей»².

Естественно, официальная пресса продолжала писать о победах на индустриальном и сельскохозяйственном фронтах, однако это была однобокая правда. Намеренно выпячивались те факты, которые были выгодны руководству страны. В то же время архивные источники свидетельствуют, что после отмены карточной системы трудности со снабжением населения

¹ См.: Пашин В.П., Богданов С.В. Советская Россия в 1920-е годы: власть, общество, социальные аномалии. — Курск, 2007.

² ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 89. Д. 21. Л. 103—104.

хлебом и другими продовольственными товарами не исчезли. Фактически вторая половина 1930-х годов — это перманентное продолжение продовольственного кризиса, то вспыхивавшего, то затухавшего в различных регионах страны. Эти факты нашли свои многочисленные подтверждения в сообщениях из крупных промышленных центров, различных провинциальных городов СССР¹.

В самом начале 1930-х годов в сознании советских людей продолжало сохраняться представление о массовом разворовывании государственных и общественных средств. Например, в спецсводке органов ОГПУ от 10 марта 1930 г. сообщалось, что 5 марта текущего года ленинградские рабочие лесопильного завода им. Калинина отказались от двухчасовой отработки в фонд коллективизации, мотивируя это тем, что «кругом воровство и растраты, и наши деньги в прок не пойдут»².

Резкое обострение социально-экономического кризиса, рост недовольства сталинской внутренней политикой к лету 1932 года сыграли определяющую роль в общем ужесточении карательной политики против различных проявлений экономических преступлений в стране. По мысли И.В. Сталина, основной удар следовало нанести по расхитителям государственной собственности и спекулянтам. Он считал, что именно здесь во многом скрываются серьезные проблемы, дестабилизирующие обстановку в стране, способствующие нарастанию отрицательного отношения к линии партии и правительства.

20 июля 1932 г. И.В. Сталин в письме Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову обращал их внимание на необходимость скорейшего принятия более жестких мер уголовной репрессии в отношении расхитителей государственного имущества. Это он аргументировал следующими доводами: «За последнее время участились, во-первых, хищения грузов на желдортранспорте (расхищаются на десятки мил. руб.), во-вторых, хищения кооперативного и колхозного имущества. Хищения организуются главным образом кулаками (раскулаченными) и другими антиобщественными элементами, старающимися расшатать наш новый строй. По закону эти господа рассматриваются как обычные воры, получают два-три года тюрьмы (формально!), а на деле через 6—8 месяцев амнистируются... Терпеть дальше такое положение невыносимо. Предлагаю издать закон (в изъятие или отмену существующих законов), который бы:

а) приравнивал по своему значению железнодорожные грузы, колхозное имущество и кооперативное имущество — к имуществу государственному;

б) карал за расхищение (воровство) имущества указанных категорий минимум десятью годами заключения, а как правило — смертной казнью;

в) отменил применение амнистии к преступникам таких «профессий».

Без этих (и подобных им) драконовских социалистических мер невозможно установить новую общественную дисциплину, а без такой дисциплины — невозможно отстоять и укрепить наш новый строй»³.

Обосновывая свою инициативу необходимости ужесточения наказания за хищения государственного и общественного имущества, Сталин в письме от 24 июля 1932 г. Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову писал: «Социализм не сможет добить и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной. Он не может укрепить и развить новый строй и социалистическое строительство, если не будет охранять имущество колхозов, кооперации, государства всеми силами, если он не отобьет охоту у антиобщественных элементов, кулацко-капиталистических элементов расхищать общественную собственность. Для этого и нужен новый закон. Такого закона у нас нет. Этот пробел надо заполнить»⁴.

24 июля 1932 г. под грифом «строго секретно» за подписью Кагановича и Молотова на имя Сталина, находившегося в это время на отдыхе в Сочи, была отправлена шифрограмма. Суть ее сводилась к тому, что в основу проекта постановления Президиума ЦИК СССР об усилении ответственности за хищение государственного и общественного имущества были положены письменные указания генерального секретаря.

Также предлагались конкретные меры по воплощению в жизнь этого нормативного акта:

1) приравнивать по своему значению железнодорожные грузы, колхозное и кооперативное имущество к имуществу государственному;

2) применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на транспорте, а равно и за хищение кооперативного и колхозного имущества, высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущест-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Д. 588. Л. 36, 49, 68.

² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 8. Д. 655. Л. 240.

³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 106—110.

⁴ Там же. Д. 100. Л. 137—140.

ва с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией имущества;

3) отменить применение амнистии к преступникам, осужденным по этим делам;

4) поручить судебным органам Союза и союзных республик обеспечить наиболее быстрое рассмотрение этих дел¹.

Таким образом, даже при поверхностном анализе в этих наставлениях И.В. Сталина можно обнаружить будущую конструкцию Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. (далее — Постановление)

6 августа 1932 г. в «Правде» была опубликована речь видного большевистского партфункционера С.М. Кирова на совещании руководителей районного звена Ленинградской области. Это выступление явилось одним из элементов идеологической подготовки к обнародованию знаменитого своей жесткостью закона о борьбе с хищениями социалистической собственности, предложенного и сформулированного Сталиным. «Пора поднять нам ответственность людей, которые имеют отношение к колхозному и кооперативному добру, — говорил С.М. Киров. — Надо откровенно сказать, что наша карательная политика очень либеральна. Тут надо нам внести поправку. Ведь если мы какого-нибудь растратчика и засудим, то надо понять, что это такие людишки, которые во всякой обстановке умеют приспособиться, они обычно очень быстро попадают под амнистию, и суда как не бывало. Мы рассматриваем кооперативное и колхозное добро как общественное достояние. Мне кажется, что в этом отношении колхозные и кооперативные организации пора приравнять к государственным, и если человек уличен в воровстве колхозного или кооперативного добра, так его надо судить вплоть до высшей меры наказания. И если уж смягчать наказание, так не меньше как на 10 лет лишения свободы»².

Уже 9 августа 1932 г. Каганович информировал Сталина о первых откликах на закон (Постановление), который, как отмечалось, «произвел очень сильное и хорошее впечатление». Однако руководитель Советского государства всегда оставался верен своему убеждению во всеилии аппарата и регламентирующих документов. Спустя два дня, 11 августа, Сталин обращает внимание на необходимость издания и направления территориальным партийным и правоохранительным органам специальных разъясняющих инструкций по проведению в жизнь Постановления³.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 85.

² Правда. 1932. 6 авг.

³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 144.

⁴ Там же. Л. 157—160.

⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 898. Л. 1.

17 августа Сталин направил Кагановичу письмо, в котором он в весьма резких тонах обрушивался на центральный печатный орган ВКП(б) — газету «Правда». Видимо, большевистского лидера крайне разочаровало то обстоятельство, что Постановление было опубликовано не на первой, а на пятой полосе газеты. Руководитель партии отмечал, что «Правда» ведет себя глупо и бюрократически слепо, не открывая широкой кампании по вопросу проведения в жизнь закона об охране общественной собственности. Кампанию надо начать немедленно. Надо: а) разъяснять смысл закона по пунктам; б) критиковать и разоблачать те областные, городские и районные организации (а также сельские), которые стараются положить закон под сукно, не дав ему хода на деле; в) пригвоздить к позорному столбу тех судебных и прокуроров, которые проявляют либерализм в отношении расхитителей грузов, урожая колхозного, запасов колхозных, кооперативного имущества, имущества госпредприятий и т. п.; г) публиковать приговоры по таким делам на видном месте; д) мобилизовать соответственно своих корреспондентов, проинструктировать их и печатать их корреспонденции; е) хвалить и поощрять те организации, которые стараются добросовестно проводить закон и т. д. и т. п. Кампания эта должна быть систематическая и длительная. Надо долбить систематически в одну точку, чтобы заставить наших работников повернуться «лицом к закону» об охране общественной собственности»⁴.

Необходимо отметить, что указания И.В. Сталина начали реализовываться незамедлительно, а из критики в отношении «Правды» сделаны соответствующие организационные выводы. К началу сентября 1932 года Политбюро назначило руководителя комиссии по разработке конкретных мер по реализации Постановления — заместителя председателя ОГПУ Акулова. Комиссии поручалось разработать перечень конкретных мер по практической реализации Постановления со стороны ОГПУ, судов и прокуратуры⁵.

Инструкция по применению Постановления была утверждена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 16 сентября 1932 г. (протокол № 116, пункт 31/16). Она имела гриф «секретно» и направлялась Верховному суду СССР и прокуратуре Верховного суда СССР, народным комиссариатам юстиции союзных республик, председателям краевых (областных) судов, краевым (областным) прокурорам, председателям и прокурорам линейных судов, районным

прокурорам, председателю ГПУ Украины, полномочным представителям ОГПУ, ДТООГПУ, начальникам оперативных секторов.

В инструкции разъяснялось, какие преступления подпадали под действие Постановления: хищения заводского и фабричного имущества, совхозной, колхозной, кооперативной собственности, имущества государственных торговых организаций, грузов на железнодорожном, водном транспорте и местном автотранспорте. За данный вид преступлений предусматривались очень жесткие санкции. В отношении кулаков, бывших торговцев и иных социально чуждых элементов, работающих на государственных (промышленных и сельскохозяйственных) предприятиях или учреждениях, избличенных в хищениях имущества или растратах крупных денежных сумм этих предприятий или учреждений, а также должностных лиц государственных учреждений и предприятий предлагалось применять высшую меру наказания; при смягчающих вину обстоятельствах (при единичных случаях хищений или хищениях незначительных размеров) заменять высшую меру наказания 10-летним лишением свободы. При хищениях хотя и мелких, совершенных лицами указанных социальных категорий, но влекущих за собой расстройство или останковку работы госпредприятий (хищения частей агрегатов и машин, умышленное уничтожение или порча совхозного инвентаря и т. п.), также применять высшую меру наказания.

В отношении кулаков, бывших торговцев и иных социально враждебных элементов, проникших в органы снабжения, торговли и кооперации, а также должностных лиц товаропроводящей сети, избличенных в хищении товаров или продаже их на частный рынок и растратах крупных денежных средств, предлагалось применять высшую меру наказания и лишь при смягчающих вину обстоятельствах (незначительные размеры хищений) заменять ее лишением свободы на 10 лет.

Той же мере наказания предлагалось подвергать и спекулянтов, хотя и не участвующих непосредственно в хищениях, но спекулирующих товарами и продуктами, заведомо зная, что товары эти похищены из государственных учреждений и кооперации.

В отношении лиц, избличенных в хищении грузов на транспорте, в том числе железнодорожных служащих и рабочих, участвующих в хищениях, применялась высшая мера наказания, которая лишь при смягчающих вину обстоятельствах (при единичных случаях хище-

ний или хищениях незначительных размеров) могла быть заменена лишением свободы на 10 лет.

В инструкции также регламентировались особенности и сроки применения санкций по делам о хищениях социалистической собственности. Допускалось применение репрессивных мер по делам о преступлениях, совершенных до издания Постановления, в случаях, когда преступления имели общественно-политическое значение. Из подсудности сельских общественных и колхозных товарищеских судов изымались дела о хищениях колхозного имущества.

Судебно-следственным органам предписывалось заканчивать дела и выносить по ним приговоры не дольше чем в 15-дневный срок с момента раскрытия преступления и заведения дела. В качестве исключения допускалось проведение следственных действий и вынесение приговора по делам о хищении государственного имущества в срок не больше 30 дней при условии, если по делу проходило большое количество обвиняемых¹.

В то же время инструкция была призвана сдержать пыл наиболее ретивых исполнителей: так, высшую меру наказания предписывалось применять в случае систематических хищений и исключить данный вид наказания за мелкие кражи государственного и общественного имущества².

7 августа 1932 г. Политбюро рассмотрело ситуацию с хулиганством и хищениями на транспорте. Заместителю наркома путей сообщения Г.И. Благонравову совместно с транспортным отделом ОГПУ поручалось через две недели представить в Политбюро сообщение о мероприятиях по борьбе с хулиганством и хищениями на транспорте, а также по охране железнодорожных грузов. ОГПУ и НКПС действовали ударными темпами. 16 августа такой доклад был подготовлен и озвучен В.Р. Менжинским и Г.И. Благонравовым³.

Необычайно укрепившаяся к началу 1930-х годов личная власть Сталина среди партийно-государственной элиты довольно часто становилась тем приводным механизмом, который давал толчок громоздкой государственно-бюрократической машине. Так произошло и с центральным печатным органом ВКП(б) — газетой «Правда». Уже с 20 августа в газете началась регулярная публикация обширных подборок материалов под рубриками «Расхитителей социалистической собственности — врагов народа — к суровой ответственности!», «Общественная собственность священна и неприкосновенна» и др. В стране началась мощная пропа-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2014. Л. 33—34.

² Там же. Д. 900. Л. 33—33 об.

³ Там же. Д. 895. Л. 13; Д. 896. Л. 8.

гандистская кампания, призванная внедрять в общественное сознание партийные указания в борьбе с хищениями социалистической собственности.

Оценивая роль Постановления, Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (январь 1933 года) говорил, что оно «...есть основа революционной законности в настоящий момент» и что «...решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти»¹.

Преступления, караемые по Постановлению, признавались уголовно наказуемыми деяниями и до его издания, но степень их общественной опасности теперь стала качественно иной. Их перевели в разряд тяжчайших преступлений, направленных против основы советского строя, а виновников этих преступлений заклеили врагами народа.

20 марта 1933 г. Сталину были представлены сведения об общем количестве граждан, привлеченных органами ОГПУ за хищение государственного и общественного имущества. По состоянию на 15 марта 1933 г. таковых оказалось 127 318 человек. За хищения из магазинов и со складов товаропроизводящей сети и промышленных предприятий наказаны 55 166 человек, за хищения из совхозов и колхозов — 72 152 человека. По наиболее крупным делам об организованных хищениях было осуждено 14 056 человек, из них к высшей мере наказания приговорено 2052 человека, к отбыванию

заклучения в лагерях на срок от 5 до 10 лет — 7661 человек, на срок менее 5 лет — 4343 человека².

Однако и в последующие годы продолжали вскрываться факты хищений продовольствия из организаций общественного питания, товаров из магазинов. В качестве примера можно сослаться на докладную записку ОГПУ по противодействию экономическим преступлениям в системе рабочего снабжения с 1 января по 1 мая 1934 г. на промышленных предприятиях Донбасса, Днепропетровска и Харькова³.

В документе указывалось на то, что к ответственности за этот период было привлечено 600 человек. Были выявлены факты сращивания ревизорского аппарата на местах с должностными лицами, занимавшимися вопросами рабочего снабжения. Согласно сведениям Донецкого областного отдела ОГПУ и обкома ВКП(б), из партии были исключены 32 работника снабжения, сняты со своих должностей 17 директоров отделов рабочего снабжения (ОРСов), 3 директора торговых районов Доннарпита. Схожие мероприятия проводились в Ленинградской и Свердловской партийных организациях⁴.

Но, несмотря ни на какие репрессивные меры в отношении расхитителей государственной собственности, данный вид преступлений в 1930-х годах продолжал оставаться самым массовым среди остальных видов экономических преступлений.

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. — М., 1947. С. 393.

² См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). — М., 2006. С. 59.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 52, 53.

⁴ Там же. Л. 68, 75.